

Л. И. Вольперт

ЗАГАДКА ОДНОЙ КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ПУШКИНА

(Пометы на романе Ю. Крюденер «Valérie»)

На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

В библиотеке Пушкина хранится роман Ю. Крюденер «Valérie»¹. В тексте романа заметны многочисленные подчеркивания, отчеркивания, а иногда и отметы ногтями². На полях книги карандашом, по-французски сделаны словесные пометы. Следы карандаша стерты, буквы едва различимы. Поскольку книга оказалась в библиотеке Пушкина, естественно возник вопрос, не принадлежат ли ему самому словесные пометы и подчеркивания.

Б. Л. Модзалевский в описании пушкинской библиотеки не соотносит их с Пушкиным: «Есть заметки и отметки на полях карандашом, но не Пушкина рукою сделанные»³. Авторитет Б. Л. Модзалевского и категоричность его утверждения оказались, по-видимому, причиной того, что к этому вопросу вернулись лишь в середине 1930-х годов, в момент подготовки раздела «Пометы на полях книг» в томе «Литературные и биографические материалы»⁴. В это время, как сообщила нам любезно Т. Г. Цявловская, библиотеку Пушкина пересматривали Д. П. Якубович и Я. И. Ясинский (редактор от-

¹Valérie, ou Lettres de Gustave de Linar á Ernest de G***, 3-me édition, corrigée et augmentée, á Paris 1804, la baronne Krüdener J. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы.

²Впервые на «отметки резкие ногтей» обратила внимание при редактировании помет на «Valérie» Т. Г. Цявловская. См. стр. 78.

³Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. Пушкин и его современники, вып. IX—X, 1910, стр. 263.

⁴Этот том должен был войти в Академическое издание Пушкина, готовился к печати в 1938, 1947, 1954 и 1958 гг., редактировали его М. А. Цявловский, Т. Г. Цявловская, рецензент тома С. М. Бонди. Том этот однако до сих пор не увидел свет.

дела). Именно Я. И. Ясинский внес неожиданный поворот в изучение вопроса. Он установил почерк Пушкина и высказал мнение, что словесные пометы на «Valérie» сделаны его рукой. Предположение Я. И. Ясинского придало проблеме новый интерес: если пометы оставлены Пушкиным, то к кому они обращены, когда были сделаны и каков смысл подчеркиваний.

На вопрос об «адресате» помет и их датировке дал неожиданный ответ М. А. Цявловский. По его мнению, эпизод с «Valérie» был связан с увлечением Пушкина Анной Петровной Керн: «Октябрь» I (?)—10 (?) 1825. Чтение книги Kgdeler «Valérie». Париж, 1804. Подчеркивания, отчеркивания и словесные пометы на полях /Это сделано для А. П. Керн/»⁵.

Несколько позднее Б. В. Томашевский обратил внимание на своеобразное смысловое единство подчеркнутых фраз и выдвинул гипотезу о том, что в совокупности они составляют «зашифрованное» любовное письмо. На эту тему весной 1957 г. он сделал в Пушкинском доме устное сообщение, от которого осталась лишь краткая аннотация: «Б. В. Томашевский сделал сообщение о записях Пушкина в книге Юлии Крюденер «Valérie» В этих записях Б. В. Томашевский предполагал возможность своеобразной лирической переписки: — быть может, с А. П. Керн»⁶.

Б. В. Томашевский положил в основу своего предположения смысловую интерпретацию помет на «Valérie»⁷. Он строил свое сообщение на известных данных биографии Пушкина и особенностях романических отношений эпохи. По воспоминаниям присутствовавших на заседании, сообщение Б. В. Томашевского произвело на аудиторию глубокое впечатление.

⁵М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1825. АН СССР, М., 1951, стр. 641. По мнению Т. Г. Цявловской, введение данных о пометах на «Valérie» в т. I «Летописи жизни и творчества Пушкина» отражает раннюю стадию решения вопроса. М. А. Цявловский не занимаясь графологическим изучением помет, он исходил из предположения Я. И. Ясинского. Как общий редактор тома, он принимал материалы, подготовленные отдельными редакторами — Б. В. Томашевским, Д. П. Якубовичем, Я. И. Ясинским. По мнению Т. Г. Цявловской, которая в 1950-х гг. редактировала работу Я. И. Ясинского (при этом обратила внимание на незамеченные им следы ногтей), пометы на «Valérie» сделаны не пушкинской рукой. Такого же взгляда придерживаются и Н. В. Измайлов, и Р. Е. Терещенко.

⁶Пушкин. Материалы и исследования. ЦН АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 505.

⁷Мне о нем любезно сообщили присутствовавшие на заседании Н. В. Измайлов, Ю. М. Лотман и Л. С. Сидяков.

чатление оригинальностью замысла и изяществом аргументации.

Долгое время краткая аннотация оставалась единственным следом сообщения Б. В. Томашевского. В последний момент, когда данная статья была уже в типографии, нам посчастливилось ознакомиться с новым важным материалом. И. Н. Медведева-Томашевская любезно показала нам том «Valérie» из библиотеки Б. В. Томашевского, который представляет собой ценное свидетельство метода работы замечательного ученого над пушкинскими материалами.

Б. В. Томашевский с необычайной тщательностью перенес с пушкинского экземпляра романа на свой все отчеркивания, подчеркивания и словесные пометы. Перевод самой важной словесной пометы *tout cela au présent* («все это в настоящее время») и той фразы романа, к которой эта помета относится, («Я тебя любил так же как дышал, не отдавая себе отчета в том, что я делал») ⁷ а, Б. В. Томашевский выписал на отдельный листок и вклеил в книгу перед страницей 241. В конце книги его рукой выписаны все номера страниц его издания, на которых есть какие-либо пометы, при этом особо выделены (подчеркнуты синим карандашом и отмечены крестиком) номера страниц, на которых есть словесные пометы. Внизу, как итог, значится: «всего помет 63, из них с надписями — 7», а наверху, как своеобразный заголовок, написано рукою Б. В. Томашевского крупными буквами: «Пометы Пушкина». На полях стр. 209 отмечена ногтевая помета ⁸. В своем томе «Библиографические описания библиотеки А. С. Пушкина» Б. Л. Модзалевского Б. В. Томашевский зачеркнул слова «но не Пушкина рукою сделанные» и написал рядом на полях «не верно, см. стр. 241» (ту, перед которой вклейка, — Л. В.).

Этот материал важен не только тем, что он с несомненностью свидетельствует об абсолютной уверенности Б. В. Томашевского в принадлежности помет Пушкину, но и тем, что он как бы нацеливает будущего исследователя на изучение творческого характера пушкинских помет ⁸. Своеобразное «письмо», составленное из строк «Valérie» — не просто факт лирической биографии писателя, а свидетельство творческих

⁷ а. В пушкинском экземпляре «Valérie» 2, стр. 122, в экземпляре Б. В. Томашевского — стр. 241.

⁸ Эта ногтевая помета оказалась нами не замеченной. В пушкинском экземпляре — 2, 70, у Б. В. Томашевского — стр. 209.

поисков большого художника в момент обращения его к психологической прозе.

К сожалению, кроме этого материала, никаких публикаций, стенограммы или черновика сообщения Б. В. Томашевского ни в архиве Пушкинского дома, ни у И. Н. Медведевой-Томашевской нам найти не удалось. Поэтому представляется небезынтересным вернуться к этому вопросу и продолжить поиски в намеченном Б. В. Томашевским направлении.

Роман «Valérie» (1803), написанный в традициях чувствительного эпистолярного романа, представляет собой произведение среднего уровня этого жанра с некоторыми чертами эпигонства ^{8 6}

Сюжетно-композиционная структура «Страданий юного Вертера» (трагическая история любви чувствительного юноши к замужней женщине, кончающаяся его смертью, изложенная в форме писем героя к другу⁹), сочетается в произведении Крюденер с руссоистским культом чувства и естественности, данным в интерпретации более близкой Бернардену де Сен-Пьеру, чем самому Руссо. Однако произведение Ю. Крюденер лишено социальной и философской глубины «Вертера» и «Новой Элоизы».

Действие романа разворачивается в Италии конца XVIII века на фоне идиллической природы, в идиллическом мире,

^{8 а} Б. В. Томашевский перенес с пушкинского экземпляра на свой несколько загадочную помету, представляющую собой короткие вертикальные штрихи, делящие фразу на ритмические группы (стр. 10). Поскольку характер этой единственной в таком роде пометы отличался от всех остальных и она не имела отношения к «письму», помета осталась вне нашего внимания. Возможно, Б. В. Томашевский видел в ней отражение интереса Пушкина к ритмической структуре прозы.

^{8 б} О романе Ю. Крюденер «Valérie» см.: Ch. Eynard. Vie de madame de Krüdener, Paris, 1849, P. Laccroix. Madame de Krüdener, ses lettres et ses ouvrages inédits, Paris, 1880, Redern. Zwei Welten. Das Leben von Juliane von Krüdener 1764—1825. Ley T. Madame Krüdener et son temps. Plon, 1962; Senart Ph. Le romantisme féminin: Madame de Krüdener. Table ronde, 1962, mai, 172, p. 93—96. А. Н. Пыпин. Г-жа Крюденер, «Вестник Европы», 1869, №№ 8 и 9; Г. Брандес. Литература XIX века в ее главных течениях. СПб, 1895, стр. 320—342, 355.

⁹ «Вертер» очень моден во Франции конца XVIII в., вызывает многочисленные подражания, причем, как правило, интерес вызывает лишь любовная тема романа. Об этом см.: Э. Г. Дементьев. Роман Великой Французской революции. Владивосток, 1969, стр. 104; Morel. La Fortune de Werther en France (1778—1816) Archiv für Studien der neuerste Sprache und Literatur, 1910, t. CXXV, s, 347—372.

населенном безупречными героями¹⁰. Юный Густав де Линар полюбил супругу графа Б., друга его покойного отца, шестнадцатилетнюю Валери. Поначалу он сам не догадывается о своей любви, но затем истина открывается ему. Густав осуждает себя, пытается бороться с чувством, решает расстаться с любимой женщиной навсегда. Он ищет забвения в монастыре, в путешествиях, но не в силах забыть Валери, заболевает и умирает.

Все три персонажа «треугольника» — идеальные «голубые» герои. Густав де Линар, сочетающий «совестливость» Сен-Пре с обреченностью Вертера, способный к нежно-вулканической страсти, своеобразный «мученик чувства»¹¹. Он вошел в число литературных персонажей, составляющих галерею идеальных мужских образов начала XIX века. Так же как фенелоновский Телемак, Сен-Пре или Вертер, он — один из образцовых героев, занимавших воображение читателей, а особенно читательниц, как во Франции, так и в России.

Еще более безупречна, чем Линар, — Валери, она не только ангельски добра, грациозна, обаятельна, высоко нравственна, но и до такой степени наивна и невинна, что на протяжении всего романа не догадывается о любви Густава, даже после того, как он, целуя подол ее платья, рыдает на коленях перед ней¹².

Под стать юным героям и граф Б. Он подлинный благодетель Густава, стремящийся заменить ему отца и настолько нежно к нему относящийся, что, узнав о любви Густава де Линара, больше всего горюет оттого, что явился невольной причиной его гибели.

Роман Ю. Крюденер имел шумный успех, за один 1804 г. вышло три издания книги. Этот успех отчасти объяснялся рекламой, организованной роману самим автором¹³. Но главная причина популярности «Valégie» все же иная: роман пришелся «ко времени». Вместе с вольнодумным веком уходила и галантная литература, проникнутая гельвецианским духом

¹⁰Роман в какой-то мере автобиографичен. Об этом см.: А. Н. Пыпин. Г-жа Крюденер «Вестник Европы», 1869, № 8, стр. 592—603; Г. Брандес. Литература XIX века в ее главных течениях. СПб, 1895, стр. 320 (В дальнейшем: Г. Брандес).

¹¹«...он слишком благовоспитан, чтобы застрелиться, а потому и умирает от чахотки». Г. Брандес, стр. 355.

¹²Крюденер постоянно восхищается своей героиней, видя в ее облике свои собственные черты.

¹³Ю. Крюденер заказывала поэтам мадригалы в свою честь, а модисткам — шляпки à la Валери.

(эпистолярный роман Кребийона-Сына, Шодерло де Лакло). Своеобразие общественной обстановки во Франции начала XIX века, появление в 1802 г. первых произведений французского романтизма («Дух христианства», «Атала», «Рене» Шатобриана) оказали воздействие на формирование новых литературных вкусов. В моде — поэтизация христианства, культ природы, меланхолический герой. Жермена де Сталь возрождает на новом уровне традиции эпистолярного романа сентиментализма («Дельфина», 1802). Новые веяния отразились в какой-то мере и в романе Ю. Крюденер^{13а}. Легкий налет религиозности, модная идеализация чувства, психологизм, не лишенный тонкой наблюдательности, и, наконец, изящество и простота стиля обеспечили «Valégie» благосклонный прием публики¹⁴. Однако в скором времени роман был забыт и уже к середине XIX века представлял один лишь историко-литературный интерес.

Пушкинская библиотека — магическое место, где забытые книги обретают новое существование. На них как бы падает ореол владельца библиотеки, осененные его прикосновением, они «оживают» для новой жизни. Такова и судьба двух томов в старинных переплетах третьего парижского издания «Valégie» (1804).

Составленное из строк «Valégie» зашифрованное любовное письмо определило необычную судьбу книги. Благодаря ему французский роман приобрел новый, «русский» интерес¹⁵.

«Письмо» как бы отделилось от романа, зажило самостоятельной жизнью, как бывает, когда, играя, подчеркивают в книге отдельные слова или строки и «адресат» читает только их. Однако, хотя многие детали сюжета и «погасли», связь «письма» с романом не разрушена, большой контекст значения не потерял.

В романе (два тома, около 500 страниц) подчеркнутые фразы составляют в совокупности довольно обширный текст. Мы приводим его в конце статьи полностью, объяснения по сюжету — в квадратных скобках, подчеркнутые фразы даются жирным шрифтом, отчеркнутые — простым.

^{13а} Об отношениях и переписке Ю. Крюденер с Бернарденом де Сен-Пьером, Жерменой де Сталь и Шатобрианом см.: А. Эфрос. Юлия Крюденер и французские писатели. «Литературное наследство», т. 33—34.

¹⁴ «он задумчив, изящен и прекрасно написан». Г. Брандес, стр. 323.

¹⁵ В дальнейшем это «зашифрованное» послание, составленное из различных строк «Valégie» будет именоваться в статье «письмо», его составитель — «автор», тот, для кого оно составлялось, — «адресат».

Трудно ожидать, чтобы выхваченные из текста романа фразы соединялись между собою в органическом единстве, между ними чаще всего остается некое «разреженное пространство». Все же в «письме» можно найти некоторую организованность. Ее создают удачно отобранные начало и концовка, определяющие известную композиционную законченность «письма».

«Письмо» начинается со строки, выделенной из текста романа подчеркиванием ногтем, она как бы служит «письму» своеобразным эпиграфом: «Увы, буду ли я когда-нибудь любим!» (I, 13)¹⁶. Затем после портрета Валери, выполненного в тонкой психологической манере¹⁶, дается действие, поступок героя, который сразу и решительно вводит в курс дела¹⁷. Густав де Линар, до того мало задумывавшийся о своем чувстве, захотел погадать на ромашке, любит ли его Валери. Получив ответ «нет», он решил узнать у цветка, любит ли он ее, лепесток дважды ответил «страстно».

Конец «письма» взят из прощального предсмертного письма Густава к Валери, единственного в романе непосредственного обращения к ней героя, заключающего прямое признание в любви: «Ты была самой жизнью моей души (...) Я любил тебя безмерно, Валери!» (2, 122).

Основную часть текста «письма» составляют любовные излияния, ламентации, размышления о природе подлинного чувства, выраженные в категориях романтического языка эпохи.

Обращает на себя внимание тот факт, что в «письме» включена большая часть впечатлений, связанных с музыкой, они тщательно отобраны «автором» из романа. По-видимому, он сам и особенно «адресат» не безразличны к языку звуков, музыка — существенная часть их духовной жизни.

Хотя «письмо» окрашено меланхолией, содержит размышления о предметах высоких и серьезных (истинная нравствен-

¹⁶Перевод текста романа и словесных помет на полях — мой — Л. В.

^{16а}Заметим, что в «письме» из романа включены те описания внешности героини, в которых отмечается хрупкость, изящество, девственный облик, а в выражении лица сочетание ветренности (*étourderie*) и серьезности, а также — прелесть выразительных глаз. Напомним, что в восприятии многих, эти же черты связывались и с обликом А. П. Керн: «У вас был такой девственный вид...», — вспоминал Пушкин первую встречу у Олениных. А. П. Керн. Воспоминания, стр. 256. Современники (и сам Пушкин в письмах к А. П. Керн) отмечали очарование выразительного взгляда А. П. Керн.

¹⁷По-видимому, «автор» ценит в прозе решительное и энергичное начало. О началах в прозе Пушкина см.: А. Лежнев. Проза Пушкина. ГИХЛ, М., 1966, стр. 14.

ность, подлинное чувство, бездушие света и т. д.), оно в то же время связано, без сомнения, и с игровым началом. Сама идея объяснения в любви при помощи французского романа содержит изрядный элемент «игры». В этом смысле «письмо» генетически восходит к европейской традиции литературной игры (эпистолярная игра, шуточные маргиналии, подчеркивания в книгах, объяснения при помощи знаменитых романов о любви, «карты» любви и т. д.)¹⁸. Но вместе с тем оно является и характерным, можно сказать, типичным явлением для культурной жизни России первой трети XIX века.

В это время литература широко проникает в быт, ею окрашено каждодневное существование культурных людей. Обычное письмо (особенно дружеское или любовное) становится своеобразным литературным жанром, в моде всевозможные литературные игры — шарады, эпиграммы, экспромты, импровизации. Лучшее развлечение — домашний спектакль, любая усадьба мгновенно может превратиться в артистический салон: «То — это тесный товарищеский кружок с лицейскими «национальными» песнями, балагурством, эпиграммами, экспромтами (...), то полуделовая литературная сходка с чтениями и обменами суждений, то артистический салон...»¹⁹.

Эту особенность культурной жизни удобно проследить на быте пушкинских знакомых, поскольку их жизнь изучена достаточно хорошо. Быт Тригорского в чем-то явление исключительное — он окрашен личностью Пушкина, а в чем-то типичное, он может служить образцом культурной жизни той эпохи.

Духовная атмосфера Тригорского окрашена изящными искусствами. «И ум изящно просвещенный»²⁰, — этот поэтический комплимент Н. Я. Языкова можно адресовать всем обитательницам усадьбы. Здесь умеют рисовать (дед А. Н.

¹⁸Например, объяснение в любви над «Романом о Ланселоте» Франчески и Паоло в «Божественной комедии» Данте или обращение к «Роману о Флоре и Бланшефлер» Фламенки, героини провансальского рыцарского романа «Фламенка» (См.: В. Жирмунский. Драма Александра Блока «Роза и крест», издательство ЛГУ, 1964, стр. 41). С традицией литературной «любовной игры» были связаны и куртуазные аллегии («Роман о Робес», «Карта Страны Нежности» из романа «Клелия» м-ль де Сюдери и т. п.).

¹⁹Ю. Н. Верховский. Предисловие к книге А. П. Керн. Воспоминания. «Academia», Л., 1929, стр. 32. В дальнейшем: предисловие — Ю. Н. Верховский, книга — А. П. Керн. Воспоминания.

²⁰Н. М. Языков. Стихотворения: ГИХЛ, М.—Л., 1959, стр. 120. В дальнейшем: Н. М. Языков.

Вульфа Д. Вындомский увлекался живописью²¹), любят музицировать²², (особенно хорошо играет на пианино А. И. Осипова)²³, охотно исполняют модные романсы (отлично поет не только А. П. Керн, но и А. Н. Вульф)²⁴. Но особенно здесь ценится все, что связано с изящной словесностью.

Обитательницы Тригорского — тонкие ценители поэзии, знатоки литературы, европейской и русской. Воспитанные «на романах и чистом воздухе» (VI, 63), они послужили своеобразными прототипами и Татьяне, почитательнице чувствительных романов²⁵, и Лизе («Роман в письмах»), тонкому и строгому критику литературы²⁶.

В почете здесь всевозможные литературные игры. Многие имеют литературные прозвища (А. Н. Вульф — «Фауст», К. Вельшева — «Гретхен»), каждый готов, благодаря Пушкину, разумеется, в любой момент «лопасть» в качестве героя в литературное произведение²⁷.

²¹«...Он любил читать и весьма хорошо рисовал. Рисунки его хранятся до сих пор в Тригорском». М. И. Семевский. Прогулка в Тригорское. В кн.: А. Н. Вульф. Дневники, «Федерация», М., 1929, стр. 38. В дальнейшем: М. И. Семевский.

²²«Ее дочери (...) играют мне Россини». А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. «Наука», М., 1965, т. 10, стр. 773. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи, римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

²³Игру А. И. Осиповой прославил в стихах Н. М. Языков:

Как персты лёгкие мелькали
По очарованным ладам,
С них звуки стройно подымались,
Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало их.

Н. М. Языков в. стр. 120.

²⁴Пению А. Н. Вульф посвятил поэтические строки А. А. Дельвиг:

Так при уходе зимних дней,
Как солнце взглянет взором вешним,
Еще до зелени полей
Весны певича в крае здешнем
Пленяет песнею своей.

А. А. Дельвиг. Полное собрание стихотворений. «Советский писатель», Л., 1959, стр. 193.

²⁵Кларисса, Юлия, Дельфина — ее любимые героини.

²⁶Лестное мнение Пушкина об уездных барышнях как «истинной публике» поэта (VI, 69) — в какой-то мере и их заслуга.

²⁷М. И. Осипова, младшая сестра А. Н. Вульфа, вспоминала, как Пушкин, выпрашивая у ключницы моченые яблоки, уговаривал ее: «Акулина Памфиловна, полноте, не сердитесь, завтра же вас произведу в попадьи». И точно, под именем ее чуть ли не в «Капитанской дочке» и вывел попадью (...), а в мою честь, если хотите знать, названа сама героиня этой повести». Семевский, стр. 40.

Для нас наибольший интерес представляет «игра», связанная с перепиской. Лукавая приписка к чужому письму²⁸, шуточные комментарии, торжественное сжигание «опасного» послания, озорное «распечатывание» чужого письма²⁹, — все эти приметы быта, связанного с эпистолярной игрой, здесь в большой моде. «Игра» в письмах может быть дружеская, любовная и даже «философическая»: «Евпраксия уморительно смешна, я предлагаю ей завести с тобой философическую переписку. Она все завидует сестре, что та пишет и получает письма» (X, 110), — пишет Пушкин брату 20/XI-1824 г.

Как участницу этих игр можно легко представить и Анну Петровну Керн, многие черты ее личности типичны для представительниц культурного общества того времени: «В сущности образ Керн был довольно банальным женским образом в той социальной среде, которая окружала Пушкина»³⁰.

А. П. Керн, как и все обитательницы Тригорского, — почитательница французской литературы: «французские сентиментальные романы воспитали и развили ее природную чувствительность»³¹. Она восхищается Жерменой де Сталь, книга «О Германии» вызывает ее восторг: «Я все время читаю «Германию» г-жи Сталь. Вы не можете представить, до чего это прекрасно (...) Как она знала сердце человеческое, как должна была быть чувствительна»³².

Любительница развлечений, связанных с литературой, она ценит импровизации, экспромты, с увлечением играет в шарады: «...мое внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались и в которых участвовали Крылов, Плещеев и другие (...). В чаду такого очарования мудрено

²⁸А. Н. Вульф приписывает к шутовому письму Пушкина брату: «Как вы смели написать мне подобное письмо! Хорошо, что ваш брат вместо меня взял на себя труд сжечь его». (Подлинник по-французски. Все цитируемые в статье письма написаны по-французски, в дальнейшем это оговариваться не будет). Пушкин. Собрание сочинений в шестнадцати томах. АН СССР, 1937, т. 13, стр. 534. В дальнейшем: Пушкин. т. 13.

²⁹«Но полюбуйте, как с божьей помощью все перемешалось: г-жа Осипова распечатывает письмо к вам, вы распечатываете письмо к ней, я распечатываю письмо Неття, — и все мы находим в них нечто для себя назидательное — поистине это восхитительно!» (X, 790), — пишет Пушкин в письме к А. П. Керн.

³⁰П. И. Новицкий. Социальный и бытовой портрет А. П. Керн. В кн.: А. П. Керн. Воспоминания, стр. 8. Это определение имеет оттенок огрубления, но элемент истины в нем, безусловно, содержится.

³¹Там же.

³²А. П. Керн. Воспоминания, стр. 128. См. об этом: П. Р. Заборов. Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX века. В кн.: Ранние романтические веяния. «Наука», Л., 1972.

было видеть кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения»³³.

Как и все в Тригорском, А. П. Керн увлечена перепиской, охотно участвует в эпистолярной игре. Еще до встречи с Пушкиным в Тригорском она довольно игриво включается в переписку А. Г. Родзянко с Пушкиным, которая носила характер озорной шалости: «После этого мне с Родзянком вздумалось полюбезничать с Пушкиным, и мы вместе написали ему шуточное послание в стихах»³⁴. Оттенок игры имела и переписка Пушкина с А. П. Керн, хотя здесь, разумеется, дело к игре отнюдь не сводилось.

Любовное письмо, составленное из подчеркнутых строк в тексте французского романа, отлично вписывается в игровую обстановку Тригорского, подобный эпизод мог бы составить главу эпистолярного романа о жизни усадьбы.

Одним из героев романа, участником эпистолярной игры, можно легко представить и Пушкина. Он в совершенстве владеет искусством остроумного намека, лукавого подтекста, интригующей недоговоренности, «домашней семантикой». Шутливая приписка к чужому посланию,³⁵ «обманное письмо»³⁶, послание, отправленное от чужого имени³⁷, — все эти забавы в «царстве переписки» — его стихия. Использование «чужого слова» для составления «зашифрованного» любовного письма — еще один вид той же «игры».

Пушкину и ранее нравилось произведение Ю. Крюденер. В примечаниях к «Евгению Онегину» он назвал эту повесть «прелестной» (V, 194). Имя Густава де Линара упомянуто среди дорогих для Татьяны литературных образов³⁸.

В момент увлечения поэта А. П. Керн роман мог зазвучать для Пушкина по-новому, вызвать множество разнообразных ассоциаций. Ситуация, отраженная в книге, чем-то напомина-

³³А. П. Керн. Воспоминания, стр. 248.

³⁴См. письмо А. Г. Родзянко и А. П. Керн Пушкину от 10/V-1825 г. Пушкин, т. 13, стр. 170—171.

³⁵Напр., письмо Пушкина А. Н. Вульф от 27/X-1828 г.

³⁶Напр., письмо Пушкина к А. П. Керн от 14.VIII.1825 г., предназначенное, якобы, П. А. Осиповой.

³⁷«Тебе разрешают писать письма, но только надписанные нашей сестрой... (разрядка Пушкина — Л. В.). Подобно тому, видишь ли, как я пишу Анне Ивановне Вульф под именем Евпраксии (...).» (X, 776), — пишет Пушкин брату Льву.

³⁸«Любовник Юлии Вольмар, Малек Адезь и де Линар, И Вертер, мученик мятежный, И бесподобный Грандисой, Который нам наводит сон» (V, 59).

ла пушкинскую. (Супруг Валери старше ее на 21 год, генерал Керн старше жены на 35 лет). Эпистолярная форма романа, любовные излияния Густава де Линара могли подсказать идею составить из строк романа лирическое письмо.

Как известно, первая мимолетная встреча с А. П. Керн в 1819 г. произвела на Пушкина сильное впечатление³⁹. Приезд А. П. Керн в Тригорское в июле 1825 г. оживил воспоминание о первой встрече и вызвал горячую увлеченность поэта очаровательной племянницей П. А. Осиповой⁴⁰. Пять писем, отправленных Пушкиным к А. П. Керн в Ригу в июле—августе 1825 г., полны живого чувства, лирических воспоминаний и просьб о новой встрече⁴¹.

И вот в начале октября 1825 г. Анна Петровна на несколько дней заезжает в Тригорское, на этот раз со своим супругом, стареющим генералом. Теперь память Пушкина хранит воспоминания не только о первой мимолетней встрече, но и о длительной второй, и о переписке.

«Письмо» могло быть составлено в любой из моментов встреч Пушкина с А. П. Керн летом—осенью 1825 г. На наш взгляд, нет достаточных оснований для точной датировки. Оно могло быть составлено и до создания стихотворения «Я помню чудное мгновение», и во время переписки Пушкина с А. П. Керн, и в момент встречи с ней в октябре 1825 г.

Как уже говорилось, для отношений Пушкина с А. П. Керн игровой элемент был весьма характерен⁴². Наполнены «игрой» и шутливая переписка Пушкина с А. Г. Родзянко и А. П. Керн и, возможно, способ вручения ей стихотворения «Я помню чудное мгновенье», и шесть писем, отправленных ей Пушкиным в Ригу⁴³.

В «письмѣ», составленном из строк «Valégie», можно также различить эти два плана: серьезных душевных переживаний

³⁹«Ты произвела сильное впечатление на Пушкина, встретясь с ним у Олениных, он то и дело повторяет: она была слишком блистательна», — писала А. Н. Вульф кузине летом 1824 г. См.: А. П. Керн. Воспоминания, стр. 249. «...он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно...». Там же, стр. 256.

⁴⁰«Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое некогда произвела на меня встреча наша у Олениных». (X, 779). Подлинник по франц.

⁴¹«Снова берусь за перо, ибо умираю с тоски и могу думать только о вас» (X, 194). См. письма Пушкина к А. П. Керн от 25/VIII, 13—14/VIII, 23/VIII, 28/VIII, 22/IX-1825 г. Подлинник по франц.

⁴²См.: Л. И. Вольперт. Пушкин и Шодерло де Лакло (на пути к «Роману в письмах»). Пушкинский сборник, Псков, 1972.

⁴³См. стр. 92.

и игрового начала. Само сопоставление «голубых» героев романа с вполне живыми лицами могло заключать в себе изрядную долю иронии. «Игра» и в том, что оно зашифровано, что строго соблюдаются правила «засекреченности», что «адресат» сам должен заменить местоимение третьего лица на местоимение второго лица («она» на «вы») и, наконец, в том, что оно полно намеков и аллюзий, доступных лишь «адресату».

Для «автора» и тем более для «адресата» ламентации Густава, представляющие «в сущности длинную историю любовного изнывания»,⁴⁴ возможно, — самое важное в «письме», для нас же несравненно интереснее все то, что составляет ряд намеков и аллюзий, связанных с биографическими деталями, конкретными приметами быта Тригорского. К сожалению, этот слой эмпирических реалий во многом утрачен для нас, полностью он оживал лишь для того, кто знал подоплеку (понятно тому, кому понятно).

И все же некоторые ассоциации и аллюзии доступны и нам. Становится понятным, почему в «письмо» из романа попали почти все эпизоды, связанные с музыкой: Анна Петровна Керн отличная музыкантша и певица, Пушкин — тонкий ценитель музыки⁴⁵. «Автор» подчеркнул в романе строки об упоительном пении Валери во время прогулки в гондоле по Бренте. В своих «Воспоминаниях» А. П. Керн вспоминала, как восхищался Пушкин ее исполнением романса «Венецианская ночь», в котором также идет речь о Бренте: «Во время пребывания моего в Тригорском я пела Пушкину-стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Светлоюжною красой,
Тихо Брента протекала
Серебримая луной и проч.

Мы пели этот романс Козлова на голос *Benedetta Sia la madre Баркароллы Венецианской*»⁴⁶. В свою очередь, Пушкин писал П. А. Плетневу: «Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край прелесть, которая небесно поет его

⁴⁴Пыпин, стр. 603.

⁴⁵См.: А. Н. Глумов. Музыкальный мир Пушкина. Музгиз, М.—Л., 1950.

⁴⁶А. П. Керн. Воспоминания, стр. 257. Заметим, кстати, что прогулки по Бренте в «таинственной гондоле» были воспеты, вслед за Байроном, и самим Пушкиным в первой главе «Евгения Онегина»: «Адриатические волны, о Брента!» (V, 30), а «гондольерский речитатив» в восьмой главе: «И он мурлыкал *Benedetta*» (V, 85).

«Венецианскую ночь» на голос гондольерского речитатива — я обещал известить о том милого, вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит ее — но пусть вообразит себе красоту и задумчивость—по крайней мере дай бог ему ее слышать!». (X, 154).

Особенно сильное впечатление произвела на Пушкина музыкальная фраза из романса, сопровождавшая слова «Не мила ей прелесть ночи»⁴⁷: «Все Тригорское напевает не мила ей прелесть ночи, и сердце у меня сжимается, слушая эту песню»⁴⁸ (X, 779), — писал он А. Н. Вульф в Ригу, явно рассчитывая, что она покажет письмо кузине.

Вполне возможно, что весь этот эпизод нашел своеобразный отклик в «письме». Может быть, не случайно, «автор» особо выделил (и подчеркиванием и отчеркиванием на полях) строки о сильнейшем волнении Густава, вызванном внезапно донесшимися звуками песни, которую любила напевать Валери: «Я замер, мое сердце и чувства были охвачены экстазом, знакомым лишь душам, в которых обитала любовь» (I, 253).

Подчеркнутые в «Valérie» строки — «Почему она поет так страстно, если сердце ее не знает любви? Откуда она берет эти звуки? Им учит страсть, а не одна лишь природа» — могли звучать для «адресата» по-особому, наполняться тайным, одному лишь ему понятным смыслом. Возможно, не совсем случайно оказались включенными в «письмо» и другие музыкальные эпизоды романа (впечатление от пения Давида в опере Падуи, слезы Густава, вызванные словами *lascia mi togli* из итальянской песни и т. д.⁴⁹).

Не случайно, наверное, подчеркнут в романе и рассказ Густава о том, как он предался «опасному» занятию: вздумал набрасывать силуэт Валери. Известно, что это «занятие» не чуждо и Пушкину. Среди портретов Пушкина есть один, отличающийся особой прелестью: набросанный легкими штрихами изящно склоненный женский профиль, благородство и чистота линий, удивительно схвачено в лице выражение задумчивости и мечтательности. Это портрет А. П. Керн⁵⁰.

⁴⁷Эти слова повторяются в «Венецианской ночи» дважды. См.: И. И. Козлов. Полное собрание стихотворений. «Советский писатель». Л., 1960, стр. 92—93.

⁴⁸Перевод с французского А. П. Керн. Воспоминания, стр. 258.

⁴⁹А. П. Керн не раз доводилось наслаждаться вдохновенными импровизациями Глинки и прекрасным баритоном Яковлева.

⁵⁰А. Эфрос. Пушкин портретист. Гослитмузей, 1946, стр. 163 (воспроизведение), 179—184 (описание).

Рисунок Густава вызывает невольную ассоциацию с привычкой Пушкина:

Перо, забывшись, не рисует
Близ неоконченных стихов,
Ни женских ножек, ни голов; (V, 35).

Знала об этой привычке Пушкина и А. П. Керн: «Однажды с этой целью он явился в Тригорское со своей большой черной книгой, на полях которой были начертаны ножки и головки»⁵¹.

И даже в чужой природе «автор» находит приметы родного пейзажа, которые в глазах «адресата» могли бы обладать особым смыслом. В романе подчеркнуты строки рассказа Густава о его утренней охоте на уток на озере: «Сначала я хотел выстрелить по ним, но потом дал им мирно перелететь озеро» (I, 90). Эти строки вызывают в памяти онегинские строки, которые создавались примерно в это время и, возможно, были уже знакомы «адресату»:

Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами гоним,
Бродя над озером моим,
Пугаю стаю диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов. (V, 91).

«Автор» сумел отыскать в романе, действие которого разворачивается на фоне солнечной Италии, и строки о туманных берегах севера, на которых родился герой: «Где вы туманы Скании? Холодные берега моря, свидетели моего рождения, пошлите мне ваше ледяное дыхание» (II, 9).

Можно не сомневаться в том, что многие конкретные аллюзии от нас ускользают. Гадание на ромашке, танец с шалью, когда танцовщица будто сошла с картины Корреджо, апельсиновая корочка, которой касались губы Валери, все это, возможно, подчеркнуто и не случайно.

В «письме» заметна и перекличка с письмами Пушкина, отправленными им А. П. Керн в Ригу в июле—августе 1825 г. Как известно, эти письма вызвали весьма противоречивые оценки исследователей. Одни видели в них лишь искренний порыв, «страстный накал чувства»,⁵² другие — черты «галантности», «тактики» любовной науки^{52 а}. Эти письма, действи-

⁵¹ А. П. Керн. Воспоминания, стр. 234.

⁵² См об этом: Б. Л. Модзалевский. Анна Петровна Керн. Издание М. и С. Собашниковых. Л., 1924, стр. 129.

^{52 а} П. И. Новицкий, стр. II; Анна Ахматова. Неизданные заметки о Пушкине. «Вопросы литературы», 1970, № 1, стр. 168; Н. К. Губер. Дон-Жуанский список Пушкина. «Петроград», 1923, стр. 172.

тельно, удивительным образом сочетают в себе непосредственное чувство и «игру», живой голос сердца и «романические» красоты стиля. Оттенок легкой иронии и загадочной недоговоренности, который окрашивает весь «кержанский эпизод» пушкинской биографии, замечен и здесь. Не случайно полемике вызвали не только стихотворение «Я помню чудное мгновение»⁵² и пометы на «Valérie», но и эти письма.

Переключка пушкинской переписки с «письмом» слышится и в общей меланхолической окраске посланий и в плане конкретных намеков. Пушкин пишет о «глубоком и мучительном впечатлении» (X, 779) от летней встречи, сетует на печальное одиночество и сердечную тоску: «Лучшее, что я могу сделать в моей печальной деревенской глуши, — это стараться не думать больше о вас» (X, 779) или «Снова берусь за перо, ибо умираю с тоски и могу думать только о вас» (X, 779). Воздействовало ли в этом плане, если признать «автором» Пушкина, «письмо» на переписку или переписка на «письмо», можно было бы сказать с полной определенностью, лишь зная, когда «письмо» было составлено, до переписки или после нее. Но каждый из вариантов, заставляя несколько по-иному расставлять акценты, по-своему раскрывает близость между «письмом» и перепиской.

Весьма интересен также план конкретных аллюзий, когда и в «письме», и в переписке отмечаются одни и те же биографические моменты. Например, в обоих случаях особо выделено получение первого письма от любимой. «Автор» подчеркивает дважды, и карандашом, и отметкой ногтя (что всегда является знаком особой важности), слова Густава, выражающие его восторг по поводу неожиданного получения им письма Валери (I, 206). Подобная интонация слышится и в переписке Пушкина, когда он получает первое письмо от А. П. Керн: «Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: милая, прелесть, божественная...» (X, 785). «Автор» выделяет и фразы Густава, передающие его ликование при виде листика бумаги, которого касалась Валери: «Всего лишь листик бумаги! Но его касалась Валери!» (I, 206). А в письме в Ригу к А. Н. Вульф, зная, что его прочтет и ее кузина, Пушкин весьма «романично» вспоминал о предметах, которых «касалась» Анна Петровна во время приезда в Михайловское: «Каждую ночь я гуляю по саду и говорю себе: она

⁵² 6 См.: А. И. Белецкий. Избранные труды по истории литературы. «Просвещение», М., 1964.

была здесь — камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе подле ветки увядшего гелиотропа...» (X, 779)⁵²»

Слова «письма» — «Только те, кто много потерял, знают, как нужна человеку надежда» (I, 12) — перекликаются со строками пушкинских писем: «Ужели и эта тщетная надежда как столько других» (X, 780) или «А главное, не лишайте меня надежды» (X, 780).

И в переписке и в «письме» напряженно звучит тема ревности. «Автор» вводит в «письмо» переживания Густава, вызванные острой и мучительной ревностью к мужу Валери: «И однако она прикасалась к его груди, он вдыхал ее дыхание, ее сердце билось рядом с его сердцем, а он оставался холодным, холодным как камень. Эта мысль приводила меня в неизъяснимую ярость» (II, 13). Этот же мотив ревности к супругу А. П. Керн слышится и в письмах Пушкина: «Если бы вы знали, какое отвращение, смешанное с почтительностью, испытываю я к этому человеку» (X, 785).

Подчеркнуты в романе и строки о праздном любопытстве толпы, занятой лишь разгадыванием чужих тайн. «Он очень не поладил с моим мужем, а со мной опять был по-прежнему и даже более нежен, боясь всех глаз на него и на меня обращенных»⁵³, — вспоминала А. П. Керн.

Как видим, в любовных ламентациях Густава «автор» находил нечто созвучное его собственным переживаниям, и именно эта переключка настроений создавала серьезный аспект «письма».

Однако в «письме» серьезное и игровое начало предстают в причудливой смеси, одно окрашивает другое.

Хотя нравственный идеал замужней женщины, созданный Крюденер, в чем-то и близок Пушкину (Татьяна), возвышенно-чувствительный стиль излияний Густава де Линара, насыщенный подчас высокопарно-сентиментальной риторикой, должен был быть ему глубоко чужд. Но вместе с тем для него, без сомнения, было очевидным, что в глазах А. П. Керн такой стиль ценился чрезвычайно высоко, и, учитывая вкусы «адресата», он мог себе позволить использовать его.

Сердцу Анны Петровны убедительнее всего говорил возвышенно-чувствительный стиль, ей были свойственны чер-

⁵² В своих «Воспоминаниях» А. П. Керн-шутливо уточняла: «...никакого не было камня в саду, а споткнулась я о переплетенные корни дерев (...) Веточку гелиотропа он точно выпросил у меня». А. П. Керн. Воспоминания, стр. 258.

⁵³ А. П. Керн. Воспоминания, стр. 263.

ты романтической сентиментальности: «Она вышла на волю, сохранив в себе своеобразное сочетание: глубокую потребность чувствительной идеализации и бурную, непосредственную, ясно сказанную волю к жизни»⁵⁴.

В ее письмах, воспоминаниях, дневнике отчетливо слышатся эти ноты чувствительной экзальтации. «Течение жизни нашей есть только скучный и унылый переход, если не дышишь в нем сладким воздухом любви», — записала она в своем дневнике⁵⁵.

Само собой разумеется, что вкусы «адресата» Пушкину были хорошо известны⁵⁶. Роман «Valérie» мог снабдить его необходимым для этого случая стиливым эпистолярным вариантом. Известно, что и в своей переписке Пушкин с легкостью менял стиль, интонацию, оттенки тона в зависимости от адресата⁵⁷. Даже его корреспонденция узкого круга (Михайловское—Тригорское) отличается разнообразием оттенков: почтительный тон в письмах к Прасковье Александровне сменяется дружески-наставительным брату Льву, шутливо-небрежным — к Анне Николаевне.

В случае с «Valérie» использование «чужого стиля» — своеобразная «игра», которая могла позволить выразить чувства в манере, не свойственной ему, но любезной сердцу «адресата». Благодаря «игре» он мог быть одновременно и ироничен и серьезен, это и «он» и не «он», мог оставаться самим собой и быть одновременно таким, каким его хотят видеть.

Любопытно отметить тот факт, что и стиль тех двух словесных помет на полях, которые обращены непосредственно к «адресату», выдержан в духе романа Ю. Крюденер. Первая — отклик «автора» на переживания Густава в связи с болезнью Валери (у нее преждевременные роды). Подчеркнуты строки о физическом состоянии Густава, отражающем его отчаяние и ужас: «Когда мне показалось, что ее страдания стали невыносимыми, кровь бросилась мне в голову, и я ощутил, с какой силой в моих жилах пульсирует кровь (...) Я за-

⁵⁴Ю. Н. Верховский, стр. 25.

⁵⁵Цит. по П. Е. Щеголев. Любимый быт пушкинской эпохи. В кн.: А. Н. Вульф. Дневники, стр. 18.

⁵⁶Таковы были и вкусы Татьяны, хотя и вызывавшие в Пушкине добродушную иронию, но весьма им почитаемые.

⁵⁷«... образ поэта меняется в зависимости от того, к кому он пишет, меняется до неузнаваемости, до слияния с чужим образом; с литератором он только литератор, с политиком он — политик, с сплетником — сплетник, с гулякой — только гуляка и ничего более». Б. В. Сиповский и А. С. Пушкин по его письмам. В сб.: Памяти Л. Н. Майкова, СПб, 1902, стр. 458.

дрожал от ужаса, мне показалось, что кровь остановилась в венах, и я едва дотянулся до стула» (I, 160). Рядом с этими словами на полях книги «автор» написал по-французски: «Если бы известная особа заболела, я был бы в более мучительном положении, чем Густав» (I, 160). Имя «адресата», естественно, не названо, вместо него — засекреченное «известная особа» — дань традиционной заботе о добром имени той, которую «автор» имеет в виду. Интонация пометы, не лишенная оттенка наивной сентиментальности, гармонирует со стилем «Valérie».

Вторая словесная помета на полях, обращенная к «адресату» — краткий комментарий «автора» к прощальному, предсмертному письму де Линара к Валери, составляющему своего рода кульминацию и романа и «письма»: «Ты была самой жизнью моей души: после разлуки с тобой она лишь изнемогала. В мечтах я вижу тебя такой, какой знал прежде. Я вижу лишь тот образ, который всегда хранил в сердце, который мелькал в моих снах, который я открывал своим горячим молодым воображением во всех явлениях природы, во всех живых существах. Я любил тебя безмерно, Валери!». (II, 122) — разрядка Крюденер — Л. В.). Рядом с этими словами на полях помета, связывающая воедино судьбу «автора» и судьбу героя романа: «Все это в настоящее время». (II, 122).

В неожиданной связи с текстом «письма» оказалась дарительная надпись на шмутц-тителе второго тома, сделанная неизвестным лицом чернилами, по-французски: «Мадмуазель Ольге Алексеевой. Увы, одно мгновение, одно единственное мгновение... Всемогущий бог, для которого нет невозможного; это мгновение было так прекрасно, так мимолетно... Чудная вспышка, озарившая жизнь как волшебство. Дорогая... как бедно это слово для стольких долгов!»⁵⁸.

По-видимому, дарительная надпись была оставлена до того, как книга попала в библиотеку Пушкина. Вряд ли возможно, чтобы в книге делались какие-либо надписи после того, как она вошла в состав пушкинской библиотеки. Как известно,

⁵⁸A Mademoiselle Olga Alexeeff. Hélas un moment un seul moment... Dieu tout puissant au qu'el rien n'est impossible, il est si beau ce moment fugi tif... ce ravissant éclair de la vie qui est enchantement... Chère... que cette expressions est faible pour tant de dettes! — В дарственной надписи есть пропуски, сокращения, она была обрезана при переплете справа. Перевод с французского мой — Л. В.

в библиотеке Пушкина хранится много книг с надписями, принадлежащими их прежним владельцам. Установить, кто оставил надпись, кто такая Ольга Алексеева, и как книга попала в библиотеку Пушкина, пока не удалось.

Но независимо от того, чьей рукой была сделана и кому была адресована эта надпись, она могла быть так же, как и весь роман, включена в «игру». «Автор» мог в какой-то степени ориентироваться на нее, составляя свое «письмо».

Нам ничего неизвестно о том, было ли прочтено «письмо» «адресатом». Скорее всего, нет. В ином случае А. П. Керн упомянула бы, наверное, этот эпизод в своих «Воспоминаниях». Различие между «голубой» героиней романа и вполне земной героиней «письма» могло остановить «автора». Быть может, этой же причиной объяснялось и загадочное поведение Пушкина в момент вручения им А. П. Керн стихотворения «Я помню чудное мгновение»: «Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять»⁵⁹.

Хотя по существу дарительная надпись с текстом «письма» имеет мало общего (обращение к барышне и ситуация «треугольника» вряд ли могут быть связаны), стиль ее идентичен стилю романа и «письма». Это та стилиевая манера, которая подходила при разговоре с юными дамами о высоких идеальных чувствах. И при серьезном объяснении, и при «игре» этому стилю были свойственны специфическая интонация и фразеология, вызывающие ассоциацию со стилем романтиков (Жуковский, Карамзин), со стилем Ленского.

Слова дарительной надписи о «единственном», «прекрасном», «мигомлетном мгновении», озарившем жизнь как волшебство, строки из прощального письма Густава к Валери об «образе первых встреч», навсегда запечатлевшемся в сердце, перекликались с лейтмотивом стихотворения «Я помню чудное мгновение»:

Ощущение таинственной неуловимости подлинной красоты, ее мимолетности и чудодейственной силы — мотив весьма характерный для романтической поэзии. Самое полное и глубокое выражение он нашел в поэзии Жуковского. Для Пушкина середины 1820-х гг. излюбленный мотив Жуковского — не просто характерная тема, общий мотив, а нечто очень личностное, важное именно для него.

⁵⁹ А. П. Керн. Воспоминания, стр. 256

Известно, что и ключевой образ стихотворения «Я помню чудное мгновение» — «гений чистой красоты» — заимствован Пушкиным у Жуковского. В стихотворении «Лалла рук» мотив быстротечности прекрасного выражен с большой поэтической силой:

Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты;
Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он!⁶⁰

Мысль о мимолетности прекрасного была связана в сознании Пушкина со сложным комплексом настроений и существовала в его сознании, по-видимому, независимо от его отношений с А. П. Керн. Но воспоминание о мимолетном знакомстве у Олениных, неожиданная встреча в Тригорском, неизбежная разлука — все эти факты могли способствовать созвучию этого настроения с чувством Пушкина к А. П. Керн. Не случайно он еще осенью 1824 г. сделал приписку к письму А. Н. Вульф, отправленному ею кузине из Тригорского в Лубну: «Образ, промелькнувший перед нами, который мы видели и который не увидим больше никогда» (X, 887)⁶¹.

Эти слова — реминисценция из Байрона⁶². Поэтическая мысль английского романтика перекликалась с лейтмотивом стихотворения «Лалла рук»:

Я смотрел — а призрак мимо
(Увлекая душу всред)
Пролетел невозвратно;
Я за ним — его уж нет!
Посетил, как упоенье
Жизнь минуту озарил;
И оставил лишь преданье,
Что когда-то в жизни был!⁶³

⁶⁰В. А. Жуковский. Сочинения. ГИХЛ, 1954, стр. 92. В дальнейшем: Жуковский. У Жуковского этот образ встречается дважды, он упомянут и в стихотворении «Я Музу юную бывало»: «О, Гений чистой красоты». Там же, стр. 96.

⁶¹Une image qui a passée devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais.

⁶²Заметим, что в сознании Пушкина облик А. П. Керн был связан с Байроном: «Байрон получил в моих глазах новую прелесть — все его героини примут в моем воображении черты, забыть которые невозможно», — писал он ей 8/XI.1825 (X, 794). В том же письме, говоря о муже А. П. Керн, Пушкин шутливо признается: «Знаете ли вы, что в его образе я представляю себе врагов Байрона, в том числе и его жену» (X, 794).

⁶³В. А. Жуковский. Там же, стр. 92.

Как видно, уже в это время мир образов, близкий Жуковскому, связывался в сознании Пушкина с обликом А. П. Керн.

«Лалла рук» — тот центр, к которому сходились все нити эпизода с «Валери»: и строки прощального письма, и отзвуки поэзии Байрона, и стихотворение «Я помню чудное мгновение».

По-видимому, это стихотворение Жуковского представляет для Пушкина в эти годы особый интерес. Не случайно примерно в это время он тщательно и полностью выписывает в свою тетрадь обширный текст примечания Жуковского к стихотворению «Лалла рук», начинающегося фразами: «Руссо сказал: «Il n'y a de beau que ce qui n'est pas». Это не значит только то, что не существует. Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы нам сказаться, чтобы нам оживить, обновить душу; но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем...»⁶⁴.

Текст «Валери» так же, как цитаты из Байрона, Руссо, Жуковского, так же, как дарительная надпись, составляет в целом «чужое слово», включенное в мир чувств Пушкина. В момент, когда его настроение оказалось созвучным увлечению А. П. Керн, это слово в шутку и всерьез могло быть использовано для своеобразного объяснения в любви.

При таком понимании становится неважным, было ли стихотворение «Я помню чудное мгновение» написано независимо от А. П. Керн, как это утверждает А. И. Белецкий⁶⁵, или специально для нее. Оно в этот момент оказалось неразрывно связано с ее обликом.

Б. В. Томашевский в своем анализе стихотворения «Я помню чудное мгновение» убедительно опроверг как толкование стихотворения в духе любовно-биографической символики, так и полный отрыв стихотворения от образа А. П. Керн. Игровой характер отношений исключал чистую символику: «Конечно, не следует принимать любовную тему данного стихот-

⁶⁴Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1933, стр. 491. Упомянут образ Жуковского и в «Евгении Онегине»:

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Колебаясь, входит «Лалла рук».

(V, 556).

⁶⁵См.: А. И. Белецкий. Избранные труды по теории литературы. «Провещение», М., 1964.

ворения за чистую литературную символику. Ни биография Пушкина, ни его поэзия не позволяют рассматривать эти стихи как какой бы то ни было вариант петраркизма (...). Анна Петровна Керн не была для Пушкина ни Беатриче, ни Лаура, ни Элеонора»⁶⁶.

Соглашаясь с А. И. Белецким в частности, Б. В. Томашевский все же целиком его трактовки не принимал. По его мнению, знаменитое стихотворение, хотя оно рисует и идеализированный женский образ, несомненно связано с А. П. Керн: «Не даром оно в самом заголовке («К***») адресовано любимой женщине, хотя бы и изображенной в обобщенном образе идеальной женщины...»⁶⁷.

Легкая дымка иронии и недоговоренности, которая окутывает весь лирический эпизод с А. П. Керн, объясняется, возможно, некоторым несоответствием между идеализированной «голубой» героиней, и хотя и очаровательной, но вполне земной женщиной, биография которой хорошо известна Пушкину.

История помет на «Valérie» отлично вписывается в весь эпизод. Удивительное смещение «игры» и романтики, серьезного и шутивного, мечты и реальности нашло в этом эпизоде выразительное воплощение.

Однако пометы на «Valérie» — не только «любовное письмо», «игра», связанная с творческой историей стихотворения «Я помню чудное мгновение». Они могут быть рассмотрены как шаг в освоении Пушкиным французской литературной психологической традиции. Об этом свидетельствует и отбор эпизодов (они не только самые художественные в романе, но и наиболее психологически значимые), и интерес к «метафизическому» языку романа, и внимание к психологическому портрету (портрет Валери), и, наконец, характер, тех словесных помет на полях, которые относятся к поэтике романа.

Эти пометы, заключающие оценку различных эпизодов и стиля романа, выдержаны в духе общих требований, предъявляемых Пушкиным прозе. По-пушкински лаконичные и ясные («естественно», «как это естественно», «слишком сентиментально», «очень мило», «бесподобное описание»), они сделаны в русле борьбы за прозу естественную, очищенную от риторических красот, которую вел Пушкин в 1920-е гг.

Интересен тот факт, что пометы на «Valérie» близки тем замечаниям, которые примерно в это же время Пушкин оста-

⁶⁶Б. В. Томашевский. Пушкин, II, АН СССР, стр. 75.

⁶⁷Там же.

вил на полях «Адольфа»⁶⁸. То обстоятельство, что Пушкин высоко ценил роман Б. Констана, восхищался его «стройным, метафизическим языком», не помешало критическому восприятию стиля «Адольфа». Рядом с фразой из «Адольфа», которую он счел слишком выпренной, он написал на полях — «Вранье». Более того, он даже решается «править» самого Констана и заменяет не совсем удачное, на его взгляд, французское слово более точным, которое он пишет на полях.

Так же как «Valérie», «Адольф» входит в саму жизнь Пушкина, побуждает к своеобразной «игре», герой романа становится на время светской ипостасью писателя. Не случайно несколько позднее в письме к К. Собаньской он напишет: «Дорогая Элеонора (имя героини «Адольфа» — Л. В.), позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда...» (X, 808)⁶⁹.

Таким образом, для Пушкина одним из путей освоения французской литературной психологической традиции, сыгравшей важную роль в формировании его мастерства, как прозаика, становится творческая «игра»⁷⁰. Так же как во время поэтической учебы Протей—Пушкин с легкостью менял унылую лиру элегика на байроновский гарольдов плащ, в момент обращения к прозе он примеряет к себе роли главных героев французского психологического романа («Опасные связи», «Адольф», «Valérie»). «Герои чужеземные влияли не на изображение лиц в поэмах Пушкина, не на литературу, а на жизнь, прежде всего они были образцами для жизни»,^{70 а} — очень верно скажет П. Е. Щеголев. Пушкин попеременно облачается в наряд Вальмона, Густава де Линара, Адольфа, и шуточная «литературная маска» становится одним из проявлений таинственного мира творческой лаборатории художника.

* * *

В ходе подготовки статьи нам пришлось работать в рукописном отделе Пушкинского дома, расспрашивать о сообще-

⁶⁸См. об этом: А. Ахматова. «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Пушкинский Временник. I, АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 99.

⁶⁹См.: Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине. «Вопросы литературы», 1970, № 1, стр. 167.

⁷⁰О творческом характере «игры» см.: Лидия Гинзбург. О психологической прозе. «Советский писатель», Л., 1971.

^{70 а} П. Е. Щеголев. Из изысканий в области биографии и текста Пушкина. Пушкин и его современники; вып. IV, стр. 112.

нии Б. В. Томашевского лиц, присутствовавших на этом заседании, обращаться с вопросами к И. Н. Томашевской-Медведевой, Т. Г. Цявловской, и всякий раз мы находили доброжелательное отношение и помощь.

Автор приносит искреннюю благодарность за ценную информацию и советы И. Н. Томашевской, Т. Г. Цявловской, Н. В. Измайлову, Ю. М. Лотману, Р. Е. Тереховой, Л. С. Сидякову и В. Э. Вацуру.

* * *

Текст «письма», составленного из строк романа «Valérie»
...Увы, буду ли я когда-нибудь любим⁷¹.

[Густав описывает внешность Валери]

...Можно обладать таким же изяществом и даже более заметной красотой и все же уступать ей. Ею не восхищаются, но есть в ней какая-то одухотворенность и обаяние, которые заставляют заметить ее. При виде ее сказали бы, что это сама духовность, такая она хрупкая и изящная. И однако, когда я увидел ее в первый раз, я не нашел ее хорошенькой. Она очень бледна. Контраст между ее веселостью, скажу больше, ребяческой ветреностью и лицом, созданным, чтобы быть серьезным и чувствительным, производит удивительное впечатление (I, 18)⁷².

...Я загадал: «Любит ли меня Валери?». Я обрывал лепестки один за другим, вплоть до последнего. «Не любит», — ответил он. Поверишь ли ты? Меня это огорчило (I, 37)⁷³.

...Тогда я захотел узнать, как сильно люблю Валери я. Ах, это я и так знал, и все же меня охватил страх, когда вместо «очень» вышло «СТРАСТНО». Я пришел в ужас, Эрнест, мне кажется, что я побледнел. Мне захотелось спросить еще раз, и снова лепесток ответил «СТРАСТНО» (I, 37)⁷⁴.

...только те, кто много потерял, знают, как нужна человеку надежда (I, 42).

...Мне вздумалось ее нарисовать. Можешь ли ты представить себе подобную неосторожность? Я набрасывал ее прелестный силуэт, ее глаза, полные кротости, покоились на мне, и у меня, безумца, хватило глупости предоставить себя их опасной власти (I, 48).

⁷¹ Фраза подчеркнута ногтем.

⁷²На полях помета description incomparable (несравненное описание).

⁷³Помета на полях: que c'est naturel (как это естественно).

⁷⁴«Автор» два раза подчеркивает и без того выделенное типографски слово «страстно» и делает отчерк на полях.

...Я не хотел бы носиться со своей тоской, Эрнест, но мне очень грустно (I, 50).

...Да, я люблю (I, 54).

...И не смеет высказать ей чувства, которые она во мне вызывает (I, 58).

Одиночество на праздниках так бесплодно. Одиночество на лоне природы всегда помогает найти что-нибудь ценное в собственной душе. Одиночество среди суетного света вынуждает нас заниматься множеством ничтожных дел, которые мешают нам принадлежать самим себе и ничего нам не дают (I, 60).

[Густав вместе с Валери в опере Падуи слушает арию в исполнении знаменитого певца Давида].

...Мне казалось, что вся нега мира переселилась в этот зловещий зал (I, 84).

...чарующий голос Давида доносил до нас звуки страсти, которые отдавались в моем сердце с утроенной силой (I, 84).

[Звуки воспламенили любовь].

...которая пылала в моем сердце в тысячу раз более пламенная (I, 84).

[Густав рассказывает об утренней охоте на уток].

Сначала я хотел выстрелить по ним, но потом дал им мирно перелететь озеро (I, 90)⁷⁵.

...Сохрани мои письма, Эрнест: когда-нибудь мы их перечитаем, если только твой друг спасется от гибели и любовь не уничтожит его, как солнце сжигает растение, которое красовалось лишь одно утро (I, 98).

...Вселенная остается для нее такой, как была, для меня же все переменялось (I, 95).

...Вам нечего опасаться, — сказал я ей. — Вы будете единственной, чью прелесть не посмеют даже обсуждать. Все ощутят в ваших чарах очарование более сильное, чем сама красота (I, 100).

...Валери попросила принести ей шаль из темно-голубой кисеи; она убрала волосы со лба, покрыла голову шалью, опускавшейся вдоль ее висков и по плечам; ее волосы не были видны; лоб вырисовывался на античный манер, ресницы опустились. Ее обычная улыбка постепенно исчезла, голова наклонилась, шаль мягко спала на ее скрещенные руки, и казалось, что это голубое одеяние,

⁷⁵Рядом с этой фразой на полях написано trop sensible (слишком чувствительно).

это кроткое и чистое лицо нарисованы самим Корреджо (I, 106)⁷⁶.

[Густаву, очарованному танцем Валери, кажется, что он касается ее, но это лишь галлюцинация, он прикоснулся к пустоте].

...Что я сказал? К пустоте? нет, нет; пока мои глаза упивались образом Валери, я находил нечто сладостное в этой иллюзии (I, 110)⁷⁷.

...О, Валери, ты никогда не будешь питать ко мне нежных чувств (I, 111).

...Насколько властен призыв сердца жить, когда все подчинено доминирующему чувству (I, 112).

[Собираются праздновать день рождения Валери].

...но кто сумеет высказать восторг, который она внушает, какой язык смог бы выразить все то, что чувствуют по отношению к ней (I, 24).

[Густав рассказывает Валери о женщине, в которую он влюблен, и Валери не догадывается, что речь идет о ней самой].

...она принадлежит к тем душам, которые любят потому, что живут, и которые живут лишь для добродетели. По какому-то очаровательному контрасту она обладает всем тем, что возмещает о слабости и беспомощности и нуждается в поддержке, — ее хрупкое тело похоже на цветок, который гнется от самого слабого дуновения, но вместе с тем она обладает сильной и смелой душой, которая ради добродетели и любви не отступила бы и перед смертью (I, 135).

...Красота только тогда становится поистине неотразимой, когда раскрывает нам нечто менее преходящее, чем она сама: когда она заставляет нас мечтать о чем-то большем, чем краткое мгновение восхищения ею. Необходимо, чтобы после того, как ею насладились наши чувства, ее обрела душа. Душа не утомляется никогда, чем больше она восхищена, тем сильнее чувствует. Если суметь глубоко

⁷⁶Рядом с этим описанием на полях написано: *fort joli* (очень мило). Этот танец был коронным номером самой Ю. Крюденер: «...какой-то особенный драматический танец с шалью *la danse de schall*, кажется, польский; в котором г-жа Крюденер производила большой эффект своим искусством. Этот танец г-жа Сталь заставляет танцевать свою Дельфину, и подлинником ее была в этом случае г-жа Крюденер». Пыпин. стр. 600.

⁷⁷Рядом с этой фразой на полях написано: *naturel* (естественно).

взволновать душу, то простого обаяния хватает, чтобы внушить самую сильную страсть. В этом случае взгляд, чарующие оттенки голоса достаточны, чтобы заставить обезуметь от любви. Обаяние — это особенное волшебство, которое умножает силу чар.

А в ком же его больше, чем в вас, — сказал я, увлеченный прелестью ее взгляда и всего ее облика (I, 137).

...Ты напрасно полагал, что таким способом я смогу забыть Валери или стану меньше думать о ней. Удастся ли мне это когда-нибудь? Может быть для этого мне нужно будет изменить характер, ожесточиться? Должен ли я искать спокойствия ценою моих самых дорогих убеждений? (I, 149).

...высший свет мне казался ареной, оцетинившейся копиями, где на каждом шагу следует опасаться удара. Подозрительность, самолюбие, эгоизм стоят здесь у входа и диктуют законы, преследующие любой благородный и достойный порыв, благодаря которому душа возвышается, становится лучше, а значит, и счастливее (I, 150). О, Валери! — говорил я ей. Вы так привлекательны именно потому, что выросли вдали от света, который уродует все. Вы счастливы потому, что искали счастья там, где небо разрешает его находить. Напрасны попытки найти счастье вне благочестия, подлинной доброты, искренних и чистых привязанностей, всего того, что свет именуется глупостями и экзальтацией, и что для вас — неиссякаемый источник радости. Я знал, Эрнест, что любил ее так сильно потому, что она оставалась всегда близкой природе. Я слушал ее голос, который никогда ничего не скрывал, видел ее глаза, для которых свойственно лишь самое небесное выражение, исполненное сострадания (I, 154).

...Я не могу понять, каким образом я еще живу, как я вообще могу жить, испытывая такие страдания. Нет, любить — это не для меня (I, 157).

...и быть может она, не подозревая о своей власти, увидит, как я умираю, даже не догадываясь о причине столь горькой моей участи (I, 157).

[Густав слышит из-за двери стоны Валери (у нее преждевременные роды), он преисполнен сострадания].

...Когда мне показалось, что ее страдания стали невыносимыми, кровь бросилась мне в голову, и я ощутил, с какой силой она бьется в артериях. Я стоял, опершись на

дверь комнаты графини, и лишь когда услышал, что она говорит более спокойно, овладел собой (I, 160)⁷⁸.

[Густав в венецианской церкви молит Мадонну о спасении жизни Валери].

...Может быть, говорил я себе, сама любовь пришла молить Деву, два чистых и робких сердца, которые пылают желанием соединиться друг с другом законными узами. Я смотрел на Мадонну, испуская глубокие вздохи, и мне почудилось, что небесный взгляд, чистый, как лазурь, возвышенный и нежный, проник в мое сердце (I, 168).

[Густав обескуражен сдержанным мнением графа Б. о красоте его жены].

...Объясни мне, Эрнест, каким образом можно любить Валери, как любую другую женщину (I, 176).

...Я испытал горестное чувство не потому, что мне нужно, чтобы и другие находили ее неотразимой, а от мысли, что я люблю так страстно, что это чувство делает ее в моих глазах образцом всех совершенств (I, 177).

...Как, Валери, ты еще нуждаешься в шлифовке, чтобы стать подлинно неотразимой! Разве твой ум, твоё чувствительное сердце, твоё чарующее обаяние не обеспечивают тебе первое место среди всех этих легкомысленных женщин, пытающихся неестественными ужимками, искусственностью, холодным подражанием оспаривать место, предназначенное только подлинной доброте? (I, 178).

...Я слышал, как граф говорил ей, что она нужна ему как воздух (I, 180).

[Густав и Валери видят проходящую мимо них монахиню. Валери, исполненная скорби из-за утраты новорожденного сына, говорит, что монахиня счастлива хотя бы потому, что никогда не узнает подобного горя].

...Но она ведь не узнает и блаженства любви, которое ни с чем не сравнимо (I, 184).

[Густав видит на улице итальянскую девушку Бианку, внешне поразительно похожую на Валери].

...Ах, сомнения нет, я никогда, ни на одно мгновение не смог бы изменить Валери! (I, 193)⁷⁹.

⁷⁸На полях помера: Si une certaine personne étaiis malade je serais dans une position plus cruelle que celle à Gustave. (Если бы известная особа заболела, я был бы в более мучительном положении, чем Густав).

⁷⁹Эти слова выделены «автором» дважды: подчеркнуты карандашом и отчеркнуты ногтем. Отметка ногтя настолько резкая, что след отпечатался на следующей странице (стр. 195).

...Я увидел апельсиновую корку, до которой дотрагивались ее губы, я приблизил к ней свои, блаженная дрожь пробежала по моему телу, я вдыхал ее аромат; мне казалось, что будущее непременно сольется с упоительным настоящим. Кроткая доверчивость Валери, ее доброта, мысль о том, что мы расстаемся лишь на неделю — все это сделало мгновение поистине упоительным (I, 196).

...скажи мне, Эрнест, если все объединилось, чтобы сделать иллюзию более сильной и напомнить мне о чудесном мгновенье, так ли уж удивительно неистовство моего ощущения (I, 197).

[В минуту отчаяния, в разлуке, Густав получает неожиданно от Валери письмо, которое возвращает его к жизни].

...Всего лишь листик бумаги!⁸⁰. ...Но его касалась Валери (I, 206).

[Исполняя просьбу Валери, Густав раздобывает ее портрет и целую ночь им любит].

...Что за мгновения опьяняющего восторга (I, 207)⁸¹.

[Густав перечитывает письмо Валери].

...Как прекрасна душа Валери, которая соблаговолила стать моей сестрой, моей подругой. И как должен быть низок тот, чья страсть не остановится благоговейно перед этим ангелом, который, кажется, рожден лишь для добродетели и материнской нежности (I, 219)⁸².

[Густав во время разлуки случайно на улице слышит из окна мелодию, которую любила напевать Валери].

...Я замер, мое сердце и чувства были охвачены немим экстазом, знакомым лишь душам, в которых обитала любовь (I, 253).

...Не золото, не роскошь определяют подлинное достоинство, а благородная сдержанность, элегантность манер без нарочитости и особых усилий. Как бы там ни было, Эрнест, чем больше я прилагаю усилий, чтобы отдалиться от Валери, тем сильнее моя душа стремится к ней, как ветка, которую хотят оторвать от ствола и которая стремится к нему с еще большей силой (I, 257).

[Густав знакомится с Бианкой, «двойником» Валери, и испытывает к ней влечение].

...Это пламя поверхностное и не глубокое. Я назвал бы его вожделением. Оно не в силах сжечь или уничтожить.

⁸⁰; ⁸¹, ⁸² Эти слова также выделены «автором» дважды: карандашом и ногтем.

Оно не имеет ничего общего с тем небесным волнением, которое охватывает все мое существо и заставляет меня мечтать о небе, как если бы земля уже не могла вместить столько блаженства (I, 257).

...Я не понимаю самого себя, временами я веду себя так непостижимо, так странно (I, 260).

[Бианка в гондоле исполняет любимую песню Валери].

...Мне почудилось, что вижу на берегу Валери (I, 263).

...Когда она пропела слова *Lascia mi morir*, я не смог удержаться от слез⁸³ (I, 263).

[Густав вместе с Валери совершает прогулку в гондоле по Бренте и глубоко страдает].

...Сколько зла принес мне воздух опьяняющей Италии (...)
Где вы, туманы Скании? Холодные берега моря, свидетели моего рождения, пошлите мне ваше ледяное дыхание! (2, 9).

...Нет, она никогда не полюбит меня (2, 10).

[Во время прогулки в гондоле по Бренте Валери восхитительно поет].

...Почему она поет так страстно, если ее сердце не знает любви? Откуда берет она эти звуки? Им учит страсть, а не одна лишь природа (2, 11).

[Валери в гондоле покачнулась, граф Б. удержал ее от падения].

...И однако она прикасалась к его груди, он вдыхал ее дыхание, ее сердце билось рядом с его сердцем, а он оставался холодным, холодным, как камень. Эта мысль приводила меня в неизъяснимую ярость. «Как, — говорил я себе, — в то время, как страсть, бушующая в моей груди, грозит уничтожить меня, в то время как за один ее поцелуй я заплатил бы всей своей кровью, он не ощущает своего счастья» (2, 13).

...Ледяное море должно было бы встать между ее столь опасными чарами и моим столь слабым сердцем (2, 18).

...Я как эти скрытые и никому неизвестные источники, которые никому не утоляют жажду и приносят лишь тоску. Я ношу в самом себе источник собственной гибели; люди проходят мимо, не понимая меня, я больше ни на что не годен, Эрнест (2, 28).

...Лучше ли я, чем другие, или просто иной? Ведь раньше, видя как преходяще любое страдание, я часто говорил себе: наши горести, как следы на песке, весенний ветер уже не застанет воспоминаний об осени (2, 30).

⁸³Итальянский. Дайте мне умереть.

...А я, Эрнест, дитя бури, и я исчезну в буре, я это знаю, мне говорит об этом предчувствие, и оно утешительно для меня (2, 30).

...Плохо, когда человек одинок, Эрнест. Как понятна моему сердцу эта высшая истина! Как часто я думал об этих словах в своем опостылом и печальном одиночестве. И всегда при этом я видел ее образ. Не женой, это было бы слишком прекрасно, я представлял себе, как она просто иногда приходит ко мне, чтобы облегчить мою жизнь и помочь мне терпеливо нести бремя пустых и унылых дней (2, 32).

...Я понимал, что не должен любить ее, и все же мне хотелось насладиться этим чувством. Так живут дети, стремясь лишь к игре, не думая ни о прошлом, ни о будущем. Я чувствовал, что ее взгляд, ее голос и особенно ее душа были для меня ядом (2, 35).

...И все же, Эрнест, мое чувство необычно, оно могло бы вдохновить на великое дело. Упоение от одной лишь его радости выше всего могущества мира, такая любовь — высшее блаженство, а люди, которые часто слепы, не способны это понять. Такая любовь возможна только в сочетании с добродетелью, она прекрасна, как сама добродетель. Те, кому, благодаря счастливому случаю, достался этот высший дар неба, чьи дни освящены такой любовью, должно быть, самые достойные из людей (2, 35).

...Увы! Я бы расстался с жизнью без сожалений, если бы Валери, проливая слезы жалости, хоть раз сказала бы: «Он слишком сильно любил меня для земной жизни» (2, 38).

...Любовь, даже самая безнадежная, но рядом с любимым существом, уж не так несчастна: все окрашено волшебством его близкого присутствия; даже сами страдания приобретают некую прелесть, когда они замечены (2, 60).

[Густав видит на монастырском кладбище у могилы какого-то монаха замерзшую птицу].

...Может быть, прежде чем стать служителем Бога, который наполнил его душу святым ужасом перед суетным миром, он любил как Господь, который сотворил любовь и дал ее земле, но вскоре поверженный бурей страстей, как эта птица повержена ветром, он пришел на этот холм, чтобы укрыться здесь навсегда (2, 83).

[Густав решает никогда больше не видеть Валери].

...несчастный, какой горестной привилегии ты добиваешься!

Как я обожал тебя! (...) ...оцени это высокое мужество, оно искупает всю мою вину (2, 70)⁸³.

Какая грустная радость тебе остается. О, Валери, итак, я больше никогда не увижу твоего сострадания? А оно было таким нежным, таким добрым! (2, 95).

...Смог ли бы я избежать любопытных взоров этой праздной толпы, вечно занятой своими наслаждениями, стремящейся постоянно проникнуть в тайну других и не прощающей тем, кто бежит от нее (2, 97).

...и я понимал, что скоро те, кто любил меня, осознавая блаженство, которое выпало на их долю, скажут со вздохом: «Бедный Густав! нам не хватает его. Он ушел в глубокую ночь смерти» (2, 104).

...если в этом земном раю окажется достойный и восприимчивый к прекрасному человек, упоенный юностью и счастливой любовью, в расцвете надежд и опьянении от дозволенных радостей, о, какое блаженство он найдет здесь! Его сердце затрепещет от восторга, его взор с тихой гордостью обратится к небу и с нежностью опустится на подругу. Могущество неба! что большее можешь ты дать своим избранникам? (2, 107).

...я узнал, Эрнест, что молодые люди, которых я видел такими счастливыми, накануне поженились. Я тебе уже писал, Эрнест, лишь ради такой любви и стоит жить (2, 112).

...О, Валери! в то время я с гордостью ощущал биение своего сердца, которое умело так любить тебя! (2, 121).

...Вспоминай имя того, кого погубили твои добродетели и твоя красота (2, 122).

...Я любил, как дышал, не отдавая себе в этом отчета (2, 122).

...Ты была самой жизнью моей души: после разлуки с тобой она лишь изнемогала. В мечтах я вижу тебя лишь такой, какой знал прежде. Я вижу лишь тот образ, который я всегда хранил в сердце, который мелькал в моих снах, который я открывал своим горячим молодым воображением во всех явлениях природы, во всех живых существах. Я любил тебя безмерно, Валери (разрядка Крюденер — Л. В.). (т. 2, 122)⁸⁴.

⁸³а Ногтевая помета, отмеченная Б. В. Томашевским и пропущенная нами.

⁸⁴Рядом с этой фразой на полях написано: tout cela au présent (все это — в настоящее время).

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

г. Псков, 1973